

Анна Холодная

18+

Сестра
Кровавой
Ночи

Анна Холодная
Сестра кровавой ночи
Серия «Vampire romance»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74449161
ISBN 978-5-04-254213-8

Аннотация

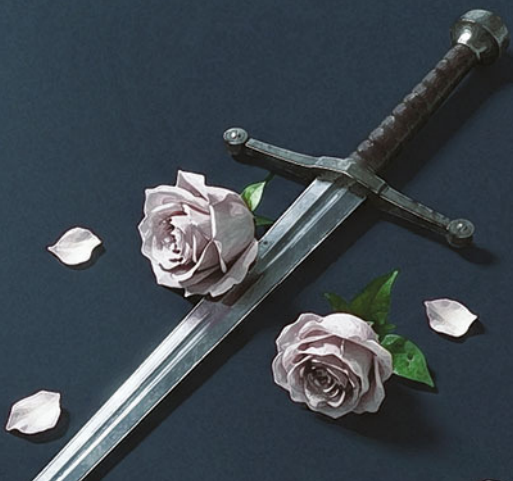
«Интервью с вампиром» встречается с атмосферой тёмного романтического фэнтези в духе «Королевство шипов и роз»! Это история о бессмертии, запретной связи и героях, которые обнаруживают: врагом может оказаться не тот, кого они боялись веками. Мрачная готическая атмосфера, древние тайны, противостояние вампиров и охотников, сильная романтическая линия и герои с непростым прошлым делают роман привлекательным для поклонников современных историй о вампирах и тёмной любви.

Тропы:

- 1) «вампиры и охотники на нечисть»;
- 2) «запретная любовь»;
- 3) «враги → возлюбленные»;
- 4) «вынужденный союз».

Содержание

Предупреждение	8
Пролог	11
Глава 1	19
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Холодная

Сестра кровавой ночи

Иллюстрация на обложке murakimyo

Художественное оформление Риджи

Внутреннее оформление Epidemic White

© Анна Холодная, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Предупреждение

Образ религиозного Средневековья, представленный в этом произведении, основан на исторических реалиях, но в значительной степени художественно интерпретирован и вымыслен в угоду сюжету.

Произведения, упомянутые в истории, либо вымыслены, либо интерпретированы в угоду вымысла сюжета.

Любые совпадения с реальными событиями, организациями или личностями случайны. Автор не ставит целью оскорбить чьи-либо чувства, религиозные взгляды или историческую память. Если содержание показалось вам оскорбительным – это личная реакция, за которую автор ответственности не несет.

В тексте присутствуют сцены: телесных и душевных пыток, насилия, смертей, казней и геноцида, религиозного фа-

натизма, самообмана и моральных искажений.

Содержимое может быть тяжелым для восприятия чувствительных читателей. Произведение предназначено для взрослой осознанной аудитории.

Той, кто подарила мне жизнь.

*История о тех, кто был рожден, чтобы
уничтожить друг друга. Но стали единственным
светом в этой тьме.*

*Страх имеет над нами более власти, чем
надежда*

Этьен Бонно де Кондильяк

Пролог

1466 год от рождения Христа

Рыжее солнце окрасило небо на горизонте в алый, предвещающая смерть и холод. Когда я подняла взгляд, свет ударил по

зрачкам, но не заставил зажмуриться, лишь незаметно дрогнули ресницы.

– Да упокоит Господь ее душу, – прошептала я с тихой молитвой. Пальцы привычно сложили крестное знамение, а губы коснулись креста, напоминавшего мне, что смерть – еще не конец. Стоя у свежей могилы, я ощущала запах скорби, пропитавший все вокруг. Этот солоновато-кислый привкус боли и душевных терзаний будто вьелся в мои ноздри и язык.

Прохладный ветер развевал полы моего апостольника, неся за собой пыль, что садилась на кожу, покалывая щеки и лоб. Мальчик все еще прижимался ко мне, стискивая ткань моей рясы в своих небольших ручках. Ему на вид было от силы лет семь, но его детство уже было отравлено страданиями, что оставляли мокрые дорожки слез на его щеках.

Болезнь унесла жизни его родителей, сначала отца, а потом и матери, у чьей могилы мы стояли. Простая крестьянка скончалась от оспы, попав под волну заболевших. Ведь мы со святым отцом прибыли в деревню ради спасения тех, кто еще не заразился. Остальными занимались врачеватели.

Ребенку требовалось время, чтобы прийти в себя, я не торопила его, а терпеливо и по-доброму поглаживала по волосам. Пусть он еще мал, но любой заметит его нечеловеческое происхождение. Рожденный смертной женщиной и воспитанный приемными родителями, он все равно считался для большинства порождением Сатаны – бессмертным дитя вам-

пира и человека – Дампиром. Как только это стало очевидно для святого отца, он незамедлительно направил весть в Орден святого меча, в место, где из таких детей воспитывают охотников, защищающих людей от сил тьмы.

Перебирая пальцами пряди его волос, я грустно подметила, что ощущаю родственную связь с мальчиком: он так же одинок, как и я, так же обречен на вечное существование среди смертных... Только ему не придется скрывать свою сущность, как мне вот уже около трехсот лет.

Притворяться монахиней нетрудно, ведь у меня есть возможность помогать обеим сторонам – и при этом не быть обнаруженной Орденом. Будучи вампиром в таком возрасте, я знаю достаточно языков, видов этикета и использования разного вида оружия, что без особого труда могу сойти за дворянку или солдата практически в любой части Европы. Но так проще, ведь ни один уважающий себя вампир не ступит на церковные земли без острой на то необходимости.

– Сестра Сесилия, – тихо отозвался мальчик, дернув меня за рукав рясы и прерывая мои мысли. Я опустила на него взгляд: его кристальные голубые глаза, окруженные красноватыми белками от слез, с тоской смотрели на меня. Он будто был окружен божественным сиянием, стоя против лучей закатного солнца. Его лицо должно быть более округлым, но в силу сложившейся ситуации мальчик был слишком мал и худ.

На его коже виднелись небольшие шрамы и ссадины,

словно он часто попадает в неприятности. Рубаха, покрытая коричневатыми пятнами грязи, с витиеватым узором на вороте, висела на его тонких плечах. Она выглядела так, будто он ее не любил снимать и носил постоянно. Могу предположить, что это подарок покойной матери. Шнурок на его бедрах, держащий штаны, напоминал веревку. А ступни его были обуты в поршни, прожившие больше необходимого.

Сестра Сесилия Эйвинс – имя, под которым я живу уже около десяти лет. По моей легенде, она двадцатипятилетняя монахиня Католической церкви, брошенная родителями, выросла и училась при монастыре Святой Клары в Кремоне, на севере Ломбардии. Была прилежной ученицей и по окончании обучения отправилась в миссионерское путешествие по поручению епископа Кремонского, дабы проповедовать Слово Божие и служить бедным во имя Христа.

– Я слушаю тебя, Криспин, – мои губы растянулись в добродушной улыбке. Поглаживая его густые красновато-рыжие волосы, я дала ему время на озвучивание просьбы.

– Что теперь будет со мной? – тихо всхлипнув, произнес он дрожащим голосом. Мальчик отпустил меня, разжав объятия, и выпрямился. Я опустилась перед ним на корточки и, вынув платок из кармана, стерла с его щек катящиеся слезы.

– Ты будешь учиться и станешь сильным воином, – мягко заверила его я, наблюдая за сменой эмоций на маленьком лице, – будешь защищать нас от сил зла.

Криспин выпрямился и вцепился в мою руку свои-

ми небольшими ладонями, воодушевленно округлив глаза. Несмотря на внешнюю слабость, он был силен. Я даже немного вздрогнула от его крепкой хватки.

– Я защищу всех! – твердо произнес он. – И тебя защищу, сестра Сесилия!

Продолжая улыбаться, я кивнула его словам. Мне было приятно ощущать, как в воздухе вокруг нас переменялся запах его эмоций: на смену кислому пришло что-то более свежее и прохладное. Решимость ребенка казалась сильнее, чем у многих воинов, что повстречались мне на пути.

Душа мальчика чиста, и даже горечи обиды не смогли ее запятнать. Его сила духа ощущалась приятным покалыванием на коже моей руки, которую он все еще держал между своих ладоней. Быть может, когда-нибудь он действительно станет воином на страже сил света... но лучше бы наши пути больше не пересекались.

– Да пребудет с тобой Бог, – еще раз погладив его по-детски шелковые кудри, я поднялась и протянула ему руку. – Пойдем, нас ждут.

Мы двигались по грунтовой дороге через кладбище к небольшой церкви, возвышающейся на холме. Каменное строение с темно-коричневой крышей, украшенное крестом, виднелось в глубине погоста. Территория не была ограничена забором, но имела небольшое пространство у входа, вымощенное камнем, где стояли лавочки для посетителей. Чуть поодаль стоял маленький домик – хозяйственная по-

стройка, там располагались конюшня и необходимое продовольствие.

Всадники Ордена уже стояли у церкви, придерживая за узды своих коней. Их возглавлял седовласый мужчина в кожаном черном доспехе, он нервно стучал ногой по камням, приглаживая бороду. Я отсюда чуяла его напряжение и запах крови, текущей по его жилам. Человек. Ему явно неприятно сопровождение двух взрослых дампиров, стоящих позади него, но долг службы обязывал. Мужчина сплюнул себе под ноги и, поправив свой пояс, заметил нас. Его хмурый взгляд из-под густых бровей проскользил сначала по мне, с явным мерзким интересом, чего я постаралась не замечать, а затем переместился на Криспина. Он посмотрел на мальчика с омерзением и неприязнью, будто на грязь, прилипшую к подошве сапог. Я почувствовала, как мальчик внутренне сжался под суровым взглядом будущего учителя. Мягко погладив его ладошку своим большим пальцем, я постаралась передать свое спокойствие ему.

– Сестра Сесилия, – кивнул мне старший, – я Альдред Корн, прибыл с охотниками за дампиром, – он жестом указал на своих сопровождающих.

– Здравствуйте, – натянув добродушную улыбку, поприветствовала их я. Перед дампирами не выдать собственного происхождения крайне сложно, ведь мы имеем схожие свойства, а потому я внутренне радовалась разделяющему нас расстоянию. Двое, чьи лица частично скрывались за маской,

внимательно изучали мальчика, не меня. Я повернулась к ребенку, чья ладонь вспотела то ли от соприкосновения с моей, то ли от страха. — Криспин, ты поедешь с ними в столицу.

Голубые глаза уставились на меня с немой мольбой. Ему страшно, он чувствовал себя брошенным и одиноким, его пугало то, что будет дальше. Я почувствовала запах его эмоций, находясь достаточно близко, чтобы ощутить их в полной мере, но также и интерес других дампиров и сальный взгляд Альдреда. Внутренне порадовалась тому, что не слышу мыслей других, и погладила ребенка по плечу.

Я лишь слышала о том, что происходит в процессе обучения таких детей, но доподлинно никому не известно, как именно. Такие дети — всегда мальчики, вернее сказать, те, что попадают в Орден святого меча. Дампиры — редкие создания, чаще всего это плод интрижки человеческой женщины и мужчины-вампира, реже — наоборот. Но отцы зачастую даже не знают о своих чадах, ведь мало кто способен понести от вампира. Церковь считает нас, вампиров, мертвецами, но мертвы мы лишь наполовину. Именно эта часть заставляет нас питаться кровью живых для поддержания собственной жизни. Нет ничего хуже, чем смерть от жажды и голода.

Нашу расу часто путают с упырями, безмозглыми мертвецами, питающимися человеческой кровью и плотью. Они больше всего похожи на полусгнивший труп. Когда-то, будучи людьми, им не повезло познакомиться с вампирскими клыками, осушившими их, но оставляющими яд, который

способствует их пробуждению.

Криспин сглотнул, продолжая вглядываться в мои глаза, и кивнул. Я вложила в его ладонь свой платок, которым вытирала ему слезы. Мальчик прижал его к груди и пошел вперед, к тем, кто его пугал.

– Я сохраню его, – одними губами произнес он после того, как один из охотников усадил его в седло перед собой. Наши взгляды встретились в последний раз, решительность мальчика поражала меня до глубины души. Я проводила их улыбкой.

– Да пребудет с вами Господь, – пожелала я вслед удаляющимся членам Ордена.

Глава 1

Каталина

*1486 год от рождения Христа, конец осени.
Запад Королевства Франции*

Солнце было обманчиво: светило, но не грело – как старый друг, что улыбается тебе, скрывая нож за спиной.

Я шагала по грунтово-каменной дороге вперед, вглядываясь вдаль и сверяясь с картой. Лучи едва касались кожи, создавая ощущение тепла и умиротворения.

Деревня должна быть уже близко: крохотная точка на карте – и еще одна маска на моем лице. Я знала, зачем иду туда.

Вокруг меня расстилались просторы моей родины, пропитанные запахом земли и зимней прохлады. Давно я не была здесь. Уголок моих губ дернулся, подавляя усмешку. Много изменилось с последнего моего путешествия по этим местам.

Ветка, тонкая, как шея птицы, сухо хрустнула у меня под ногой. Сосны по бокам дороги казались выше обычного, утопая в пепельно-серой дымке. Вот-вот должны завиднеться дома. В здешней церкви требовалась помощь, и меня, как ученицу сестры Сесилии, отправили в столь отдаленное место.

Осень лежала над землей, как хрупкий, сероватый, почти прозрачный саван. Тонкий шлейф сырости, опавшей листвы и холода вплетался в дыхание.

Я знала: эта пора умеет скрывать следы. Но не запахи. Воздух казался густым, как перед бурей. И теплая нота железа – крови – тревожила где-то на границе обоняния. Как будто кто-то... не успел спрятаться. Или не посчитал нужным.

Пришло время сменить имя, а значит, теперь я не Сесилия и у меня новая легенда, по которой я – ее ученица, которую она подобрала в одном из путешествий. Но «сестра» скончалась, заразившись оспой около десяти лет назад, ровно столько я могу находиться под каждым своим именем, не привлекая лишнего внимания. Я уже сбилась со счета от количества имен за свои почти три столетия, но мое истинное

имя вновь со мной. Закон для всех вампиров: каждые десять лет менять имя и место обитания, каждые пятьдесят – стра-ну.

Вампиры стали меньше интересоваться инквизицию, Орден святого меча. Они сейчас большую часть сил направили на ведьм... Я видела, как на площадях собирался народ, чтобы поглазеть на сожжение женщин, реже мужчин. Как ни странно, но в ведьмовстве церковь чаще винила женщин. Многие ли из них были виновны? Нет. Знала одну девушку, увлекающуюся травами и лечением. Она мечтала о том, чтобы принимать роды, и искала способ облегчить процесс для женщин... Как-то раз одна знатная дама, которой помогла эта девушка, пришла в церковь и будто бы невзначай обмолвилась в разговоре с кем-то о том, что есть в городе одна странная девица, любящая травы.

Была ли девушка ведьмой? Нет. Но она приняла свою судьбу с честью. Я поразились тому, как, несмотря на боль от пыток и огня, она молча терпела, пока ее сердце не остановилось на том костре. Ее пепел унес ветер...

Ведьмы отличаются от тех, кто лечит травами или знаниями. Я знаю трех ведьм из Французского королевства. Несговорчивые дамы. Одна из них относится к разряду старших, тех, кто имеет опыт, силу и статус в Ковене. Они могут обучить ведьмовству. Сейчас они прячутся в лесах, горах и там, где не достанет Орден. Да и с вампирами они особо дружбу не водят, презируют нас как мертвецов. Думаю, мне повезло

лично увидеть жилище старшей и даже их колдовство.

В трактатах по демонологии пишут: ведьмы едят людей (особенно любят младенцев), крадут человеческие гениталии и скот, превращаются в животных. Не знаю, что из этого правда, но если судить по запаху, исходящему от ведьмы, то человеческую плоть они не едят... а в остальном, пока мой путь не столкнет меня вновь с ними, я и не узнаю правды.

Подол моей черной рясы и подрясника стал серым от пыли дороги, апостольник и параман тоже запылились. Я остановилась, прервав свои воспоминания, и принялась отряхиваться, разглаживая складки на юбке.

Впереди уже простиралась деревушка, и над ней господствовала старинная церковь, словно страж мирного времени, стоящий на холме. Ее массивные стены, сложенные из грубо обтесанного камня, потемнели от множества лет и дождей. Угловые башни с узкими бойницами-окнами, служившими когда-то для защиты, гордо вздымались по бокам основного здания.

Повидавший многое грязно-коричневый сланец кровли на крыше местами пророс мхом. Над входом в церковь был тяжелый каменный козырек с искусно вырезанными виноградными лозами и листьями. Деревянные двери, окованные железными полосами, давно поблекли, а массивные кольца-ручки местами получили пятна от трения и времени.

Над церковью возвышался единственный каменный шпиль, украшенный крестом. Вокруг его основания видне-

лись следы былой роскоши: полустертые каменные рельефы святых библейских сцен.

– Кто вы?! – воскликнул святой отец, вышедший из здания на крыльцо. Мужчина был в почтенном возрасте, но не сторбился, удивительно сохраняя осанку и достойный вид. Он был выше меня примерно на голову. Его морщинистое лицо было идеально выбрито, а густые седые брови скрывали глаза. На макушке его был черный клобук. Ряса на его плечах явно пережила лучшие времена, некоторые места на ней были небрежно заштопаны заплатками светлее основной ткани.

– Сестра Каталина де Амбель, – учтиво поклонилась я, приветствуя настоятеля церкви и послушника, выглянувшего из-за двери за спиной мужчины. Послушник походил на подростка, возможно, это сирота, брошенный на произвол судьбы у церкви, ведь, судя по запаху, они не родственники. – Мне дозволено пребывать здесь во благо общины по грамоте аббатисы Фонтевро и с благословения епископа Анжуйского. Мое послушание – помогать в переписи книг и уходе за больными.

Каталина де Амбель умерла в 1202 году в возрасте девятнадцати лет от рук собственного супруга. Она была дочерью в зажиточной семье, которая в одночасье начала беднеть, что вынудило родителей выбрать дочери мужа. Отец, дабы спасти их от разорения, заключил брачный контракт с овдовевшим старым богатым графом. Он был владельцем земель,

где жила семья де Амбель, чье имя я стерла из своей памяти, забрав его ничтожную жизнь. Союз оказался кратким и горестным: в брачную ночь кровь окрасила стены поместья. А суд сеньора не выявил ни причастных, ни доказательств, и дело замкнули.

— А, — потянул священник и, подобравшись, улыбнулся. — Я настоятель этой церкви, святой отец Николас Мьер. Добро пожаловать в дом Господа, Каталина де Амбель.

Мужчина последовал к дверям, открывая их, и жестом пригласил меня внутрь. Держа сумку двумя руками, я кивнула и пошла за ним.

Высокие стены из толстых каменных блоков, покрытых лишайником, словно рассказывали о судьбе церкви, пройденной веками. Стрелообразные окна, украшенные цветными витражами, пропускали лишь крошечные лучи солнечного света, проникающего сквозь густой туман.

Внутри церкви царила тишина, нарушаемая только шорохом под ногами и скрипом деревянных скамеек. Алтарь, увитый паутиной и орнаментированный древними изображениями святых, словно ожил в свете свечей, отбрасывая длинные тени на стены.

Я внимательно осматривала окружающее меня убранство, медленно идя вперед по центральному нефу. Длинные кровельные балки над головой, словно корпус древнего корабля, возвышались к потолку, а ряды колонн по бокам, украшенные резными капителями с завитками и листьями, разделя-

ли пространство на проходы.

У окон стояли деревянные скамейки для прихожан, со спинками, декорированными резьбой. К ним были пристроены небольшие скамеечки для коленопреклонения, обитые мягкими выцветшими подушечками. На полу виднелись следы бывшего великолепия: остатки мозаичного узора, частично скрытые ковром.

Впереди, над главным алтарем, возвышался величественный балдахин на четырех колоннах с богато украшенным куполом. Время тронуло и его, все требовало небольшой реставрации.

Стеклянный витраж в дальней части зала, рассказывающий о добродетелях и чудесах святых, переливался в свете теплого утреннего солнца, проникающего сквозь цветные стекла. Каждый луч, проходящий через окно, создавал волшебное освещение внутри церкви, наполняя пространство таинственным сиянием.

Амвон – возвышающееся место для чтения Священного Писания и проповедей, – украшенный искусной резьбой, занимал почетное место в левой части пресвитерия. Его резные панели, хоть и потрепанные временем, хранили следы былой красоты, а узор был частично стерт и требовал реставрации, но все еще намекал на некогда величественные библейские сцены.

Святые образа в темных окладах украшали стены, будто немые стражи, оберегавшие святость этого места. Их взгля-

ды казались наполненными милосердием и благословением, олицетворяя веру и надежду каждого верующего.

В углах храма виднелись исповедальни с резными дверцами, а рядом со входом располагались чаши со святой водой, где прихожане могли благословить себя перед службой.

– Где я могу расположиться, отец Николас? – повернув голову к священнику, спросила я. Все это время мужчина с интересом всматривался в мой образ, будто искал что-то. Но как только наши взгляды встретились, его карие глаза пристыженно забегали.

– Гай! – воскликнул настоятель, – покажи сестре Каталине ее комнату!

Послушник суетливо выбежал из арочного проема и поспешил ко мне. Молча взял мою сумку и жестом пригласил следовать за ним.

Мы прошли в узкий коридор, скрывающийся за той самой аркой. Он был прохладным, с каменными стенами и потрескавшимися фресками. Гай вел нас до самого конца коридора, где расположилась тяжелая деревянная дверь с коваными петлями. За ней притаились помещения пристройки, здесь были жилые комнаты. Тут нас встретил большой камин в центре, который излучал приятное тепло, а вдоль стен располагались двери в личные кельи. В центре комнаты стоял массивный дубовый стол, за которым, судя по всему, собирались на трапезу, а рядом несколько простых деревянных стульев с высокими спинками.

Воздух был пропитан запахами огня и ладана. Гай, не обращая внимания на то, что я осматриваюсь, подошел к одной из дверей и, открыв ее, жестом пригласил меня в келью, которая теперь временно будет моей.

Серая комната. Стены, пол и даже пейзаж за окном – все было серым и таким привычным. Гай поставил мою сумку на скамью и поспешил удалиться, оставив меня в одиночестве.

Повернув замок, я закрылась, словно ограждая себя от внешнего мира. Спокойствие наполнило меня, когда я прижалась спиной к двери, уставившись в окно, где шторы были раздвинуты, позволяя естественному свету наполнять комнату.

Небольшая кровать на высоких ножках стояла у стены слева от меня. В противоположном углу находился простой деревянный стол, покрытый тонким слоем пыли. На нем лежала раскрытая книга с пожелтевшими страницами, словно кто-то недавно читал ее и внезапно отвлекся, покинув комнату.

Там же была умывальная чаша, наполненная водой, и небольшое зеркало висело на стене. Сундук для одежды стоял у изножья кровати.

С усталым вздохом оттолкнулась от двери, в короткий миг оказываясь у окна, и ловким движением руки задернула шторы. Все стало еще более тусклым, но лишь для человеческого глаза.

Подойдя к умывальнику, я наклонилась и зачерпнула в ла-

дони ледяную воду, которой сполоснула свое лицо от пыли. Мое тело не ощущало жара и холода, а потому я даже не по-ежилась от температуры воды.

В воздухе витал слабый аромат лаванды от аккуратно сло-женных белых полотенец, лежащих на кровати. Хотя что-то свежее в этой затхлости!

Капли стекали по лицу и впитывались в ткань апостоль-ника, который я стягивала с головы.

– Ну здравствуй, – нахмурилась своему отражению я. В ответ на меня посмотрели серые, с металлическим от-блеском серебра, глаза, которые будто светились в полумра-ке комнаты. На бледной коже ярким пятном распустились алые губы. А волосы, белые как снег, разметались по плечам небрежными волнами, брови такого же цвета аккуратной ду-гой располагались над глазами. Неестественными они были не всегда. Когда-то я была черноволосой красавицей с кари-ми очами и фарфоровой кожей. Но это было слишком дав-но...

С возрастом тело обращенного вампира меняется в соот-ветствии с его силой и способностями. Но зачастую цвет во-лос – это неизменная часть облика, в отличие от оттенка глаз. После обращения в вампира мои очи стали настолько свет-лыми, что мне было непривычно видеть свое отражение.

В процессе жизни мы развиваемся, мои изменения начали происходить, когда мой возраст перешел за черту шестиде-сяти лет от рождения по человеческим меркам. Седина мед-

ленно прорастала от корней, пока вся голова не побелела. Но все же изменения произошли не только внешне. Тот, кто меня обратил, рассказывал, что не каждому вампиру дарована особая способность. Мы обладаем мощью, превосходящей возможности сотни мужей, и это естественное свойство нашего вида. В старинных же церковных трактатах, которыми пользовались охотники, дар описывали как проявление колдовства и дьявольское начало.

Они встречались редко, и многие старшие вампиры стремились заполучить носителей этих способностей в союзники. Я помнила одного старого вампира, который частенько общался с моим хозяином и был достаточно близок с ним, его способность поражала воображение. Манипуляция крови – так называлась его сила. С помощью нее он мог создать оружие и сражаться, а мог использовать ее словно колья и пронзать ими тысячное войско.

Мой хозяин – так называют того, кто обратил, – не обладал ничем подобным, но был достаточно хитер, чтобы выкручиваться из различных ситуаций. Из-за этого шансы, что дар достанется мне, казались ничтожными. Правда, друг хозяина однажды сказал, что я способна чувствовать эмоции других и влиять на них. На шестом десятке узнать такое для меня стало большим потрясением, а мой хозяин был очень рад. Хорошо, что наши с ним пути разошлись и более никто, кроме меня самой, не властен над моей жизнью.

Распустив шнурки на рясе, я сняла ее через голову и бро-

сила на пыльный пол, оставаясь в подряснике. Переступив через кучку ткани, я подошла к сумке и вытащила оттуда сменное одеяние, бросив его на кровать. Я провела рукой по покрывалу: гладкое и хрустящее на ощупь. Заглянув внутрь сундука, заметила, что он пуст, за исключением тонкого слоя пыли на дне.

На стене над кроватью висел простой деревянный крест, а позади меня в углу кельи притаился небольшой молитвенный столик. Свеча, стоящая на нем в серебряном подсвечнике, давно не использовалась и покрылась паутиной. На ней были заметны полосы застывших восковых капель.

Расшнуровать оставшуюся на мне одежду не составило труда, я бросила ее к рясе. Сорочка тонкая и полупрозрачная, хлопковая ткань едва ли скрывала мое женственное тело.

Сейчас уже и нет свидетельств того, что случилось со мной. Но тот день, когда я стала вампиром, помню, будто это произошло вчера.

*1201 год от рождения Христа, середина весны.
Западно-Франкское королевство*

За окном сверкнула молния, разряд света среди темных тяжелых туч, будто предзнаменование чего-то недоброго. Я

тихо вздрогнула и заерзала на стуле. Служанки уже около часа обхаживали меня по кругу: они собрали мои волосы в тугую прическу и закрепили ее золотой сеткой. Поверх был белый гебенде с ажурными лентами и росписью. Платье цвета оливы в несколько слоев укутывало меня, а длинными рукавами можно было достать до пола.

– Ты сразишь всех наповал, – отозвался мягкий и родной тембр за спиной. Отец стоял в дверном проеме и одобрительно кивнул мне.

– Отец! – радостно воскликнула я, кинувшись ему в объятия. – Когда ты успел вернуться?

– Только что, – отозвался теплый голос матушки. Я отпрянула от отца и подобающе поприветствовала родителей поклоном. – Гости уже ждут.

Никто не даст мне забыть о помолвке, они официально объявят дату моей свадьбы с графом и новым владельцем этих земель Оркидом Торном. Подготовка к торжеству началась еще задолго до сегодняшнего дня, но я все еще надеялась, что появится кто-то достойнее пугающего меня старика, возраста моего покойного дедушки.

По винтовой лестнице мы спустились из моей комнаты в коридор, который вел прямо в большой зал. Матушка куталась в шаль, то ли озябнув от прохлады стен, то ли пряча свой уже округлившийся живот. Несколько каминов расположились в комнате, но этого едва ли хватало в пасмурную погоду. Вокруг нас все пестрило яркими одеждами пригла-

шенных гостей, аромат приготовленных яств наполнял помещение.

Ранее эти земли не принадлежали Оркиду, они были свободны, и местные крестьяне сами решили пойти под крыло моего отца. Но новый указ короля назначил Оркида новым сеньором этих земель. Я чувствовала себя разменной монетой в этом деле.

Среди всего этого многообразия я заметила высокого и дьявольски красивого мужчину, движущегося в нашу сторону. Полы его плаща, который закрывал часть фигуры, двигались в такт его шагам. Взгляд его темных глаз был словно у хищника, выбравшего свою добычу. Улыбка, играющая на полных губах, раскрывала ряд белоснежных зубов. Черные как смоль волосы ниспадали с его плеч, обрамляя бледное лицо и выделяя скулы. Алая рубашка, не похожая на стандартный фасон нынешней моды, выдавала в нем иностранца. На его груди сверкал массивный золотой кулон с рубином.

– Добрый вечер, – пророкотал загадочный незнакомец, поклонившись, как подобает правилам этикета.

– Здравствуй, Тристан, – улыбнулся отец, по-свойски пожав руку мужчины, и подтолкнул меня вперед. – Дочь моя, Каталина, познакомься с месье Тристаном Ортелом, посланником графа Тулузского.

– Рада знакомству, – тихо проговорила я, поклонившись. Мой голос дрогнул, когда я встретила с бездной его карих глаз.

– Не окажете ли мне честь потанцевать со мной? – Тристан протянул мне свою ладонь в черной перчатке. Мое тело стало будто и не мое вовсе, рука сама двинулась навстречу, послушно ложась на его пальцы.

Музыка заполнила помещение, и мы закружились в волнительном вихре. Его руки были крепкими и нежными одновременно, я чувствовала, как он ведет меня, словно это самое естественное движение на свете. Мое сердце судорожно билось в груди, будто трепещущая птичка в клетке.

Взгляд его был глубоким и загадочным, точно темная бездна, в которой я готова утонуть без остатка. Запах, исходивший от мужчины, был как холодное штормовое море, соленый ветер и ливень. Он был точно олицетворение погоды за окном, чудовищно сильная стихия.

Мы двигались в такт музыке, словно одно целое, будто были созданы друг для друга. Весь мир вокруг нас исчез, остался только этот момент, это движение, это чувство полного единства.

Все казалось точно в тумане, не существовало ничего, кроме этих глубоких карих глаз, в которых отражалось мерцание огня от свечей. Движения мужчины были грациозными и уверенными, каждое прикосновение его рук пускало волну жара по моему телу. Что заставляло кровь бурлить в венах, увеличивая пульс.

Мы кружились все быстрее и быстрее, пока весь мир не превратился в размытое пятно, а единственным реальным

ощущением остались его руки на моей талии и взгляд, от которого перехватывало дыхание.

Мое сознание вмиг прояснилось, когда раздался протяжный металлический звон. Мой будущий жених стучал по своему кубку ножом, призывая все внимание на себя.

– Невеста моя, – громко пробасил Оркид. – Подойди, моя милая Каталина.

Его слова вызвали у меня липкое, мерзкое ощущение на коже, словно я испачкалась в грязи. Нет, скорее меня окунули в лужу со свиньями. Он был неприлично стар и толст, лицо покрылось глубокими морщинами, точно кора старого дуба, а кожа будто свисала с его подбородка. Свою редешую голову он скрывал под остатками седых волос. Но, несмотря на это, он был достаточно высок, мой рост доходил до его плеча.

Восторг после танца сошел на нет в один миг, и, переведя дух, я пошла вперед к стоящим на возвышении родителям и жениху. Стараясь дышать как можно спокойнее, я поравнялась с матерью и натянуто улыбнулась, соблюдая правила приличия. Родители одобрително кивнули в ответ, а жених будто поедал меня своим взглядом.

– Сейчас лучший день для того, чтобы озвучить дату нашей свадьбы! – продолжил он и схватил меня за руку своей лапой, прижимая к себе ближе.

– Да-да, – натянуто улыбаясь, мой отец вторил графу и торжественно прокричал: – Мы отпразднуем торжество в

первый день лета, через месяц!

Гости заголосили свои поздравления, с восторгом восхваляя месье Оркида. Меня будто окатили ледяной водой, словно мое тело унесла бушующая волна шторма. Лучше бы меня действительно смыло в море! Матушка говорила о том, что я уже не гожусь в невесты, возраст не тот. А потому будущий сеньор Оркид выгодная партия, да и моя обедневшая семья удержится в своем статусе.

Я подозревала, что празднество устроено за счет месье Оркида и что отец давно вел переговоры о свадьбе. Он хотел продержаться на своем месте, хотел лучшей жизни для своей семьи, и для этого выдать единственную дочь замуж – лучший способ.

Я с трудом сдержала разочарованный вздох, пытаюсь осторожно высвободиться из хватки борова. Но Оркид не собирався выпускать меня из своих рук, поглаживая мою талию, спустился ниже и с силой сжал мое бедро. Стискивая зубы, я постаралась унять дрожь в теле и сохранить холодность рассудка.

Вокруг все так шумели и радовались. Я окинула взглядом толпу гостей: Тристан скучающе смотрел перед собой, но вдруг заметил, как я наблюдаю за ним, и будто бы на миг переменился, заледенел, как камень.

– Поздравляю! – произнес одними губами Тристан, поднося кубок ко рту. Очи мужчины воссияли алым, будто в них отразилась сама преисподняя. Мои руки похолодели, а кожа

покрылась мурашками. Я зажмурилась лишь на миг и резко распахнула глаза, но Тристан исчез, будто его и не было здесь вовсе.

1486 год от рождения Христа, конец осени.

Запад Королевства Франции

Я вздрогнула от неожиданного стука в дверь, словно меня окатили ледяной водой. Забытое ощущение. Затерявшись в своих воспоминаниях, я не услышала шума. Мерзкое ощущение будто въелось мне в кожу. В этом месте ностальгия накрывала с такой силой, что я даже не слышала окружающих звуков.

– Сестра Каталина, – раздался молодой голос за дверью, видимо, это был Гай. – Святой отец хотел бы ввести вас в курс всех дел церкви и услышать новости из города.

– Да, – отозвалась я, одеваясь. – Скоро выйду.

Покончив с завязками рясы, я заплела волосы в тугую косу и тщательно спрятала ее под апостольником, чтобы ни одна прядь не выдала меня.

Вернувшись к сумке, я выудила оттуда небольшой мешок, где хранила косметику, выменяла ее у проституток за лекарства. Ткань мешочка стала мягкой от частого трения, внутри тихонько позвякивали маленькие флакончики и баночки.

Мне пришлось научиться подкрашивать брови в свой «естественный» коричневатый цвет и делать губы более бледными, как у людей. Это был не просто грим, это была маска, защищающая мое инкогнито среди смертных.

Теперь из отражения на меня смотрела молодая монахиня. Чужая, фальшивая личина, которая сейчас была моим единственным шансом на выживание.

Отец Николас ждал меня в часовне, куда меня сопровождал Гай. Воздух был насыщен запахами старого камня, сырости, светящихся свечей и ладана. Стены часовни украшали древние иконы, их контуры были скрыты покрывающей их пылью времени, словно вуаль. Сквозь узкие старые окна, раскрашенные в витражном стиле, проникали лучи света.

Николас стоял спиной ко мне, его взор был направлен на изображение Девы Марии на стекле. Судя по убранству дома божьего, раньше деревенька была куда богаче и больше. Но теперь, в тени прошлых величий, воздух улицы был пропитан горьким запахом страданий и потерь. За одной эпидемией последовала другая, еще более жестокая и беспощадная, оставившая лишь пустые деревни и разрушенные мечты смертных.

– Вы уже освоились, сестра? – вежливо поинтересовался отец Николас, повернувшись ко мне.

– Да, благодарю, – кивнула я. – Расскажите, что произошло в деревне?

– Тогда нам стоит прогуляться, – откашлявшись в кулак,

заговорил мужчина. — Увидите все своими глазами.

Эпидемия чумы оставила свой зловещий след, опустошив жителей и приведя к ужасным последствиям.

Мы миновали кладбище, расположенное у церкви, и вышли на грунтовую дорогу, ведущую вниз от холма.

— Обычно живая и шумная, она теперь погружена в мрачное безмолвие, — грустно выдохнул святой отец. — Улицы, ранее заполненные толпами крестьян и торговцев, стали пусты и заброшены. Дома, из которых раньше доносились звуки смеха и радости, стоят мрачно и заперты, словно свидетели ужасов, случившихся здесь.

На пути нам встретилось только несколько мужчин, возвращавшихся с работы в поле. Они приветствовали отца Николаса, а меня удостоили лишь недоверчивым взглядом исподлобья и ушли вперед.

Чем ближе мы подходили к домам, тем сильнее чувствовались отчаяние и боль, пропитавшие воздух в здешних краях. Кисловатый аромат старой гари, смешанный с запахом прелой соломы и нетопленного очага, щекотал ноздри. Несколько домов в самом начале были пустыми и обгоревшими, их почерневшие стены печально возвышались над уцелевшими постройками. Я с интересом всматривалась в потемневшие впадины окон, как будто в бездну передо мной, и в этих провалах чудилось эхо былых страданий.

— Несколько домов сгорели с заболевшими, — скорбно пробормотал священник и пожал плечами. — Несчастный

случай, мы не стали разбираться, ведь необходимо спасти тех, кто здоров. Страшные воспоминания о потерях и страданиях преследуют их, — он кивнул на женщину с младенцем на руках, которая как-то озлобленно смотрела на окружающих. Ее ярость кисло отозвалась на языке. — Сейчас мы можем только воодушевить их надеждой на спасение.

Здесь и там виднелись следы былого процветания: остатки каменной кладки, где когда-то был колодец, полуразрушенные сараи с провалившимися крышами, и несколько уцелевших яблонь, чьи ветви тянулись к небу, словно моля о милосердии. Дети, играющие у края деревни, при нашем появлении затихли и наблюдали из-за родительских ног, их глаза светились любопытством и страхом одновременно.

Воздух был наполнен тишиной, нарушаемой лишь редким скрипом ворот и далеким мычанием коров, возвращающихся с пастбища. Это была тишина отчаяния, когда даже птицы покинули эти места, оставив людей наедине со своими бедами.

Запахи гнили и мертвецов ощущались в деревне более ярко, нежели на кладбище, делая каждый шаг почти невыносимым. Сбоку от нас я заметила робкое движение: рыжеволосая девушка, совсем молодая, забежала в аптечную лавку с корзиной трав. Тихо втянув носом воздух, я поняла, что она собирает лекарственные травы.

Отец Николас остановился у старого покосившегося деревянного домика. Мой острый слух уловил тихий хриплый

кашель, а нос учуял запахи крови и гнили.

— Кто живет здесь? — мягко поинтересовалась я.

— Повитуха, — не оборачиваясь, ответил он. — Захворала около недели назад...

— Могу я зайти? — перебив мужчину, спросила я и сделала шаг вперед, поравнявшись с ним. Святой отец опешил от моих слов и уставился на меня удивленным взглядом. Я улыбнулась и заверила его: — Не беспокойтесь, я не заражусь. Иначе бы я не дошла до этого места.

Он по-отечески положил руку мне на плечо, его взгляд смягчился.

— Хорошо, сестра. У меня еще есть дела, но прошу вас — не задерживайтесь.

— Конечно, — улыбнувшись уголками губ, я проводила взглядом его удаляющуюся фигуру и повернулась к хлипкой двери. Казалось, она развалится от дуновения ветра. Осторожно толкнув ее, я вошла в комнату. Старый и сырой дом уже не грела печь, хозяйка жила одна, и было некому для нее зажигать огонь. Лишь тусклый свет лампы на табуретке у кровати являлся источником тепла.

Заболевшая чумой пожилая повитуха лежала молча, словно она ожидала моего прихода. Темнота окутывала ее фигуру, и лишь прерывистое дыхание нарушало тишину, да свет фонаря пробивался сквозь эту мглу. Ее глаза, утратившие ясность зрения, напряженно ощупывали пространство вокруг. Едва слышно прикрыв за собой дверь, я пересекла ком-

нату и приблизилась к кровати. Она слышала.

— Кто здесь? — скрипом отозвался ее старый голос, который от стенаний боли стал таким.

— Я сестра Каталина, — прошептала я, садясь у ее постели. Ее ладони, холодные на ощупь, едва коснулись моих пальцев и тут же с силой сжали мое запястье. Мягко положив свою руку поверх ее, я чуть громче заверила: — Вам нечего бояться, я не причиню вам зла.

Женщина закашлялась, испуская зловонный запах гнили. Каждый вздох был для нее мучителен, словно в ее легких горели угли. Она попыталась что-то сказать, но вновь забилась в приступе кашля.

Сквозь ее хрипы слышались четкая мольба, страдание и боль. Она будто просила о смерти, легкой и быстрой. Но ее ждали еще несколько дней мучений, я чувствовала запах смерти, приближающейся к ней.

— Забери... мою... душу... — прерывисто прошипела она сквозь приступ, от напряжения язвы на ее лице выпустили капли гноя.

Милосерднее убить ее, но, кажется, я не могу сделать это незаметно... Ее сердце билось все слабее, и голос становился тише. Одно движение, и ей можно свернуть шею, никто не поймет причин смерти, ведь это не город — здесь нет докторов.

Осторожно вытащив свою руку из хватки, я потянулась к ее шее, просунув пальцы между ней и подушкой. Старуш-

ка даже не пошевелилась, будто не чувствовала, как я сжала ее шею, ощущая кожей ее позвонки. Миг – и ее кости тихо хрустнули под силой моих пальцев, дыхание и сердцебиение остановились. Комната наполнилась тишиной.

Вытащив руку, я опустила веки женщины и тихо, по привычке, зашептала молитву. Сквозь мелодию моего голоса было слышно, как открылась входная дверь. В помещение вошел святой отец, сквозняк донес до меня его запах, это был ладан, смешанный с лиственным лесом и влажностью дождя.

Закончив, я перекрестила умершую и сложила ее руки на груди.

– Надо упокоить ее душу, – заговорила я, обернувшись к отцу Николасу. По моей щеке скатилась одинокая слеза, которую я с трудом выдавила из себя.

– Я распоряжусь о похоронах, – заверил он и похлопал по плечу. – Она уже в лучшем мире. Пойдемте, сестра.

– Есть ли еще заболевшие? – уточнила я, подходя к двери.

– Нет, – вздохнул мужчина. – Она последняя, поэтому возле ее дома никого не было. Я строго запретил приближаться к заболевшим, мы ждали доктора.

Я понимающе закивала и вышла на улицу, теперь воздух здесь казался свежим. Но это было недолго.

– Надеюсь, болезнь не вернется сюда, – проговорила я, украдкой наблюдая за реакцией священника. Что-то непонятное мне промелькнуло в его взгляде.

– Аминь, сестра, – мягко проговорил Николас, сложив руки за спиной.

Солнце клонилось к закату, местные уже разошлись по своим жилищам и занимались домашней рутинной. Мы направились обратно в церковь, шагая по каменистой пыльной дороге.

– Расскажите об этой деревне еще, – моя просьба звучала как-то по-детски забавно, но все же лучше узнать все из первых уст.

– Когда-то это место принадлежало одному графу, – немного помолчав, начал святой отец, – но он владел этими землями недолго. Местные считали его черным магом, который разозлил своего хозяина. За одну ночь в поместье все стены покрылись кровью и ошметками человеческой плоти. А затем все вспыхнуло, и огонь стер те зверства, оставляя после себя лишь угли и пепел. – Мужчина наблюдал за реакцией, его взгляд скользнул по моему лицу. Я немного удивилась столь открытому интересу, раньше священнослужители были скромнее.

– Быть может, это суеверия? – пожала плечами я. Примерно за двести лет это место изменилось, уже ничего не напоминало о том замке, что стоял на возвышенности, окруженной густым лесом. Сейчас все выглядело так, будто этого и вовсе не было.

– Возможно, – согласился Николас, – мы этого уже не узнаем. Церковь отстроили из остатков замка графа, освяти-

ли это место, и теперь мы, живущие здесь, под защитой Господа нашего.

Как только мы вернулись, Гай уведомил о готовности ужина, ожидая нас уже в трапезной.

Создавать видимость того, что ты ешь, довольно просто, сложность лишь в том, чтобы вовремя избавиться от твердой пищи в желудке.

Вампиры не переваривают привычную людям еду, нашу потребность в ней полностью заменила кровь. Если с жидкостями еще можно смириться, то твердая пища может вызывать странные боли в животе, тошноту и даже агонию. Есть предположение у людей, что это реакция на чеснок, поэтому они обвешивают его связками окна и двери. Ни один вампир в здравом уме не станет есть человеческую пищу.

Возможно, у меня ум не здоровый, мысленно посмеялась я, с реалистичным аппетитом доедая церковную похлебку. Отсчет пошел, у меня около часа на выведение съеденного.

Ночь в церкви была не такой тихой, как в лесу. Под потолком тихо завывал сквозняк, пол и двери, сделанные из дерева, скрипели под гнетом своего возраста.

Дерево помнило боль, смерть, молитвы. Здесь было слишком много воспоминаний.

Я не чувствовала усталости, но лечь следовало, хотя бы

для создания видимости жизни. Притворство – часть моего дыхания, неотъемлемая оболочка. Но я лишь опустилась на край жесткой кровати, вслушиваясь в пространство. Воздух был пропитан запахом ладана и тлена, оттого находиться здесь было неприятно.

Свет одинокой свечи трепетал на прикроватной тумбе, отбрасывая на стены и потолок рваные силуэты. Одна из теней, чуть длиннее остальных, скользнула вверх по каменной кладке и... задержалась. На миг... едва ли дольше. Я невольно напряглась. И все же тень дрогнула и исчезла, оставив за собой лишь вопрос:

«Кто еще не спит в этом доме Господа?»

Я потушила свечу и придвинулась ближе к окну своей скромной кельи, глядя вниз – на темнеющий погост, что распластался у стен церкви. Венки, сорванные ветром, лежали в грязи, кресты тонули в тумане. Каменные ангелы на ограде казались слепыми.

И все же... Что-то здесь не так.

Глава 2

Каталина

*1486 год от рождения Христа, зима.
Запад Королевства Франции*

Зима 1486 года от Рождества Христова окутала западные земли Французского королевства своим безжалостным покрывалом. В это время король Карл VIII укреплял свою власть в Париже, а его гонцы разъезжали по дорогам, собирая подати и верша правосудие. Но здесь, в этой отдаленной деревушке, королевские указы казались далекими и несущественными.

Местные жители, одетые в грубые шерстяные одежды, все реже появлялись у церкви. Их лица, обветренные зимним холодом, были измождены. После неурожайной осени запасы еды были скудными, а торговцы, опасаясь разбойников на дорогах, все чаще обходили это место стороной. Многие молодые люди уехали в поисках лучшей доли, оставив стариков на произвол судьбы.

Смотря из окна церкви на заснеженный пейзаж кладбища, где надгробия торчали из-под белого покрывала, словно кости древних существ, я убирала остатки воска, налипшего на камень от сгоревших свечей. Деревня, почерневшая от времени и непогоды, казалась безжизненной. Ее дома, сложенные из потемневших бревен, смотрели пустыми глазами окон, а ветер напевал свою погребальную песню среди занесенных снегом улиц.

В холодное время года я всегда ощущала себя живее и лучше, да и моя бледность уже не вызывала столько вопросов. Я и отец Николас продолжали каждый день обходить деревеньку, проверяя жителей.

Казалось, что болезни отступили, но вслед за ними пришли голод и нечто страшное, что таилось в глубине зимних сумерек. В это время инквизиторы в далекой Германии публиковали свои зловещие трактаты о ведьмах, но здесь главной угрозой был не мистический страх, а стремительно скудеющие запасы продовольствия и холод. Каждой частичкой своего тела я осязала это странное, будто скоро что-то про-

изойдет. Это было не просто предчувствие, а глубокая уверенность в том, что зима только начала показывать свои когти и самое страшное еще впереди. В ее ледяном сердце затаилась тьма, готовая вырваться наружу с новой силой.

Запахи ладана и старой древесины смешивались с холодным воздухом, проникающим сквозь щели в окнах. За стенами церкви простирались заснеженные поля, где когда-то колосилась пшеница, а теперь лишь ветер играл со снежной поземкой.

В этой части королевства, близкой к границам, жизнь всегда была тяжелее, здесь проходили военные кампании, разоряя земли, а дороги были опасны из-за разбойников. Но эта зима казалась особенно суровой, словно сама природа решила испытать людей на прочность. Холодные ветра с севера пробирались сквозь стены даже самых крепких домов, а снег засыпал дороги, делая их непроходимыми.

В такие дни я особенно остро чувствовала свое бессмертное происхождение. Вампирам не нужен сон, но природа порой берет свое. Если пить недостаточно человеческой крови или заменять ее на животную, наступает состояние, похожее на дремоту. Недостаток пищи погружает нас в подобие спячки, которую трудно избежать. А если получается сопротивляться этому состоянию, можно погибнуть от жажды или неосторожного поступка из-за помутненного разума.

Кровь – единственное, что питает наши бессмертные тела, заставляет их двигаться и сохраняет рассудок в трезвости.

Ночами, когда все жители деревни, включая отца Николаса и Гая, погружаются в глубокий сон, я брожу по лесу в поисках пищи. Моей добычей часто становятся мелкие зверьки, обитающие поблизости, или более крупные, за которыми приходится идти глубже в чащу. Даже во время трапезы нужно сохранять осторожность. Но недостаток человеческой крови сказывается: я становлюсь раздражительнее и сдерживаться порой очень трудно. Поэтому я стараюсь наесться за ночь как можно больше.

Три столетия существования научили меня терпению и мудрости, но даже мне бывает сложно смириться с нынешними ограничениями. Кровь животных, конечно, питательна, но она не давала того полного насыщения, к которому я привыкла за свою долгую жизнь.

Будь у меня возможность питаться человеческой, то пары глотков хватало бы на неделю спокойной жизни. Но здесь слишком мало людей, да и в основном они все староваты. Густая кровь стариков не так вкусна, как у молодых. В конце концов, терпение – это то, чему учит долгая жизнь.

Я возвращаюсь в келью ближе к рассвету, чтобы успеть преобразиться в монахиню и присоединиться к заутрени. Гай, как обычно, помогал отцу Николасу подготовить все к молитве, стуча зубами и трясаясь от прохлады храма. Его дыхание облачками пара поднималось в холодном воздухе, пока он расставлял свечи и проверял, все ли готово к службе.

После следовал скромный завтрак – кусок черствого хле-

ба и немного разбавленного вина. Я принимала пищу с подобающим смирением, хотя мой вампирский голод все еще тлел внутри. Жидкость мое тело еще переварит, но твердую пищу приходится выплевывать тайком после трапезы.

По настоянию святого отца я занялась наставничеством. Некоторые жители деревеньки, кто еще не утратил веры, приходили за советом, исповеданием грехов и молитвами за близких. В полумраке исповедальни их души раскрывались передо мной, словно древние манускрипты, повествующие о людских страхах и надеждах. Я внимательно выслушивала всех, давая мудрые советы и утешение.

Но с каждым днем голод становился все сильнее. Человеческая кровь становилась необходимой, а ее недостаток делал меня раздражительнее. Скоро мне придется сделать выбор: либо покинуть эту деревню, оставив ее жителей в неведении, либо рискнуть и добыть необходимую пищу, подвергая себя опасности разоблачения.

Пока же я продолжала свой двойной образ жизни, балансируя между светом и тьмой, между человеческой и вампирской сущностями. И каждый день я благодарила судьбу за то, что пока мне удастся сохранять этот хрупкий баланс.

Ближе к полудню, когда Солнце достигает зенита, я и Гай занимались уборкой помещений. Наши шаги эхом отражались от каменных стен, пока мы протирали пыль с древних икон и полировали медные подсвечники. Мы проверяли и пополняли запасы церковных предметов: перебирали свечи,

пересчитывали молитвенники и обновляли запасы ладана. А затем перешли к готовке: я резала овощи для похлебки, а Гай склонился над очагом, стараясь разжечь огонь своими дрожащими руками.

Юноше все еще было неловко в моем присутствии, но я слышала, как отец Николас наставлял его, говоря об испытаниях Господа. Послушник скоро достигнет конца своего обучения и отправится в паломничество для принятия пострига и становления полноценным священнослужителем.

В его глазах я видела смесь страха и любопытства, он чувствовал во мне что-то необычное, но не мог понять, что именно. Возможно, это и к лучшему, пусть видит во мне странную монахиню, а не древнее существо ночи.

После обеда – короткая молитва, во время которой мы собирались в нефе. Затем наступал короткий отдых, благословенная тишина, когда я могла сидеть в своей келье и читать. Правда, для чтения у меня была всего пара книг, найденных в периоды путешествий и текст которых я уже знала наизусть. Но это помогало отвлечься и расслабиться.

А когда время переходило ближе к вечеру, я и отец Николас отправлялись на обход деревни.

После утренней службы и отдыха отец Николас сказал о своем дурном самочувствии и, отказавшись от помощи, за-

явил, что проведет день в молитве. Его голос звучал слабее обычного, возможно, всему виной был кашель.

– Сестра, боюсь, обход вам придется сделать самой, – проскрипел священник, прежде чем сильно закашлялся. Тусклый свет коридора играл нашими тенями на стенах. Я внимательно посмотрела на мужчину: синяки под его глазами стали темнее, кожа лица и рук серее, а губы сохли и трескались. Его окутывали запахи горьковатой настороженности и солоноватой тоски.

– Конечно, святой отец, – растянув губы в почтительной улыбке, проговорила я, и наши взгляды встретились. – Могу я еще чем-то помочь?

– Нет, – шумно вздохнув, произнес мужчина, он явно сдерживал кашель. Я, находясь в нескольких шагах от него, ясно слышала хрип его легких. – Гай поможет мне в церкви, пока вы будете на обходе.

Я кивнула, соглашаясь с ним. Отец Николас развернулся на пятках и с тяжелым шагом скрылся за дверью, ведущей в пристройку.

Вернувшись в неф, я подхватила свою накидку со скамьи и направилась к выходу из церкви. Там в смиренной позе, опустив голову, стоял Гай и тербил подол своей рубашки. Он был напряжен.

– Я пойду на обход, – мягко проговорила я, поравнявшись с юношей. – Кажется, отцу Николасу нездоровится, завари ему горячее питье.

– К-конечно, – кивнул парень, не поднимая на меня взгляда. В моем присутствии он часто вел себя застенчиво и мало говорил. Ну он и так не из болтливых, а рядом со мной заикался и подолгу молчал, даже когда его спрашивали.

– Что-то не так? – я тихо приняхалась, делая глубокий вдох. Кисловатый запах едва пробивался сквозь шлейф ладана и свечей. Беспокойство, страх и... я нахмурилась, понимая, что парень испытывает рядом со мной... Тонкий сладковато-острый – так пахнет возбуждение. Подавив смехок, я добавила: – Ты пропустишь меня к двери?

Гай вскинул голову, его щеки порозовели, будто он только что вернулся с улицы. Он засуетился, пробормотав извинения, и убежал в сторону коридора, его движения были неловкими и дергаными. Бедняга!..

Поправив апостольник, я затянула шнурок накидки на шею и вышла, толкнув дверь вперед.

Небо затянуло серыми снежными тучами, которые плотно закрывали синеву и солнечный свет. Воздух был морозным, предвещающим скорую метель. Снежинки, кружась вокруг, мягко опускались на землю под моими ногами и укутывали ее в мягкий холодный покров. Ветви высоких деревьев клонились ниже к земле под тяжестью снега, лежащего на них.

Тишина, в которой слышались лишь хруст моих шагов и тихое поскрипывание деревенских домов, к которым я приближалась, давила на уши. Прикрыв лицо воротом накидки, я создала видимость того, что чувствую холод: так никто не

заметит, что мое дыхание не пускает пар, – это особенность вампирского естества.

Треск. Отчетливый звук ломающихся веток раздался со стороны кладбища – там, где оно граничило с лесом. Я обернулась, всматриваясь в даль, туда, где деревья скрывались за собственными тенями, пугая местных жителей причудливыми очертаниями. Ветер принес запах гнили. Ударил в нос резко и неожиданно, как и шум, прорезавший тишину, мерзкий смрад разложения и смерти, который я смогла учуять даже сквозь морозный воздух.

Мертвец. Солнца не было видно из-за туч, и потому он не спал в глубине леса. Но за все время, что я была здесь, не было ни одного появления упырей. Обычно они держались подальше от поселений, прячась в лесах и нападая на заплутавших путников. До моих ушей дошел шорох его удаляющихся шагов, хрустящих и влажных. Заметил меня и испугался?

Я нахмурилась своим мыслям и отвернулась, продолжая свой обход. Что-то явно было не так. Ветер усиливался, гоняя по дороге снежные завихрения. Деревья закрипели громче, вместе с распахнутыми ставнями и дверьми пустующих домов у входа в деревню.

Впереди на широкую улицу выбежала девушка, ее рыжие волосы, вылезшие из-под капюшона, разметались по плечам. Я уже не раз видела ее у аптечной лавки. Она остановилась и обернулась, ее лицо было покрыто морозным румянцем, а

зеленые глаза внимательно всматривались в меня. В ее взгляде читалась тревога.

Девушка направилась в мою сторону, практически бегом пересекая расстояние между нами. Ее дыхание было учащенным от волнения и быстрой ходьбы, а шерстяное платье шуршало при каждом движении.

– Сестра Каталина! – воскликнула она, приближаясь. – Помогите! Прошу вас!

Девушка чуть не врезалась в меня, настолько сильно разволновалась, но я успела поймать ее руками, мягко прихватив за плечи. Ее глаза были влажными, по щекам расплзлись влажные полосы от слез. Среди аромата ее эмоций был запах мертвого, словно на ее руках кто-то умер.

– Что произошло? – удивилась я, стараясь скрыть свою настороженность.

– Прошу, пойдемте! – она схватила меня за руку и потянула за собой в деревню. – Скорее!

Мы направились к аптечной лавке, возле которой уже толпилось несколько людей: дровосек Клод, его сын Тибо и старушка Мэриан. Они были укутаны в теплые плащи и накидки, а дыхание вырывалось густыми облачками пара в морозном воздухе. Каждый из них выглядел встревоженным, их лица были обращены к входу в лавку. Тибо был еще юн, казалось, ровесник Гая.

Завидев меня, толпа расступилась и пропустила нас к распахнутым дверям. В воздухе витал кислый запах страха, сме-

шанный с ароматами трав и лекарств. Я сделала глубокий вдох, пытаясь определить источник тревоги, и замерла. Мои острые когти едва не проступили сквозь кожу, когда я увидела тело. Прямо на пороге, в луже замерзшей крови, лежал мужчина, Дидье, хозяин лавки. Я узнала его по одежде и запаху, ибо от лица мало что осталось: оно превратилось в кровавую кашу. Он выглядел так, словно кто-то пытался откусить ему голову, что подтверждали рваные края остатков щек и кожи подбородка. В кровавом ужасе, который теперь был вместо его лица, можно было различить очертания черепа, глазных впадин и переносицы.

Тело Дидье выглядело неестественно, шея была вывернута, а на горле виднелись странные рваные раны, будто его пытались загрызть. Одежда лекаря была порвана, словно его терзали дикие звери.

Но это были не они. Так выглядели жертвы трапезы упырей: характерные отметины зубов, специфический запах разложения, еще не заметный обычным людям, но предельно ясный для моего обоняния. А судя по тому, что один из них бродит прямо здесь, в лесу, то это явно их рук дело.

Впервые вижу, чтобы отродья нападали на людей в жилом месте. Нужно понять, сколько их в лесу. По состоянию Дидье было понятно, что упырей несколько. А если они здесь, то значит, в деревне или недалеко от нее мог быть и вампир. Упыри не путешествуют, не уходят далеко от места обращения, они остаются там и питаются чем попало.

Толпа за моей спиной начала перешептываться, их страх усиливался с каждой секундой. Рыжеволосая девушка, приведшая меня сюда, прижалась к моему плечу, пытаюсь справиться с подступающей тошнотой. Старушка Мэриан что-то бормотала себе под нос, крестясь и шепча молитвы. Клод и Тибо стояли с перекошенными лицами, явно не зная, что делать.

– Кто его нашел? – спросила я, прерывая шепот толпы.

– Тереза, – проскрипел голос Мэриан за моей спиной, отчего девушка, что прижималась к моему плечу, вздрогнула. – Она частенько крутится здесь.

Я повернула голову: рыжеволосая едва сдерживала рвотные позывы, по ее щекам катились крупные слезы.

– Когда? – коротко уточнила я, обращаясь к Терезе.

– За несколько минут до того, как я увидела вас, – тихо проговорила она. За нашими спинами вновь зашуршали голоса, среди которых четко слышалось:

«Это все ее колдовство! Притянула сюда своих дьявольских отродий!»

– Позаботьтесь о теле, – строго начала я, не в силах скрыть своего недовольства. – Уложите в гроб и принесите в церковь, дальше уже мы с отцом Николасом позаботимся о нем.

Я вышла из лавки и остановилась на крыльце, осматривая улицу на наличие каких-либо следов. Но метель замела все вокруг, скрыв любые признаки недавнего присутствия упыря. Морозный воздух был неподвижен, лишь изредка сне-

жинки кружились вокруг нас, опускаясь на землю.

– Сестра Каталина, – сбоку от меня раздался робкий голос Терезы, ее сердце бешено колотилось в груди. Зеленые глаза были расширены, а влажные от снега рыжие кудри выбивались из-под капюшона, создавая вокруг головы ореол: она выглядела точно испуганный ангел. – Вы знаете, что произошло с господином Дидье?

– Нет, – мотнула головой я, повернувшись к девушке, и мягче произнесла, стараясь придать своему голосу успокаивающие нотки: – Я расскажу все отцу Николасу и буду молиться за всех нас.

– Я тоже, – тихо шепнула она, судорожно сжав в ладони крестик, выскочивший из-под складок накидки. Одобрительно кивнув, я ступила на хрустящий снег.

– Ничего странного этой ночью не происходило? – громко спросила я, обращаясь ко всем. – Быть может, кто-нибудь что-нибудь слышал или видел?

Их взгляды были полны страха и недоверия, некоторые украдкой крестились, бормоча молитвы себе под нос.

– Нет, – раздалось практически хором.

Я поджала губы, провожая взглядом дровосека и его сына, которые несли тело Дидье, и зачитала молитву, сложив руки перед собой.

– Аминь, – тихо проговорили трое: я, Тереза и Мэриан.

В воздухе витало напряжение, словно перед грозой. Тяжелые тучи затянули небо, превращая дневной свет в туск-

лую серую пелену. Морозный ветер был насыщен силой, и я чувствовала, как страх распространяется по деревне, словно заразная хворь. Люди начали шептаться, переглядываться, подозревать друг друга. Их сердца бились чаще обычного, а дыхание вырывалось густыми облачками пара в холодном воздухе.

Это было опасно – паника могла привести к еще большим жертвам. Люди начинали видеть врагов в своих соседях, подозревать тех, с кем жили бок о бок десятилетиями. Шепотки становились громче, обвинения – ядовитее.

Попрощавшись с жителями, я направилась обратно в церковь. Теперь я внимательно вслушивалась во все звуки. Мой вампирский слух улавливал малейшие шорохи в лесу, каждый хруст ветки, каждый вздох. Зная, что сегодня ночью у меня запланирована аудиенция с упырями, я старалась сохранять спокойствие. Мои когти едва не удлиннились от напряжения, а клыки зудели от желания обнажиться. Но я должна была оставаться сестрой Каталиной – монахиней, которая пришла помочь.

Первая встреча произошла, еще когда я была человеком, и я чудом осталась жива после встречи с мертвецами.

1196 год от рождения Христа.

Западно-Франкское королевство

Ветреная весна раскинула свои объятия над зелеными холмами и густыми лесами королевства. Воздух был наполнен ароматом цветущих яблонь и горьковатым дымом далеких деревенских пекарен.

Я часто оставалась на попечении няни, когда отец, виконт де Амбель, покидал поместье. Он отправлялся на охоту с маркизами и графами из соседних поселений, вооруженный луком и охотничьим ножом, в сопровождении свиты и сворных собак. Матушка обычно не выходила на улицу и проводила дни в главном зале, где за вышиванием церковных покровов ее пальцы ловко управлялись с шелком и золотой нитью.

В те дни, когда наступал перерыв между занятиями этикета и рукоделия, я очень любила прогуляться по полям. Высокие травы колыхались под порывами ветра, словно изумрудное море, а вдалеке паслись овцы, чьи белоснежные спины напоминали разбросанные по лугу облака. Поместье Амбель было небольшим относительно известных мне замков: три жилых этажа с резными деревянными балконами, одна башня с узкими бойницами и огромными угодьями позади, где пашни чередовались с виноградниками, а небольшие рощи давали тень в жаркий полдень.

На прогулках меня всегда сопровождали несколько человек: няня, рыцарь и Анора, дочь маркиза Жан-Пьера. Девуш-

ка часто приезжала ко мне в гости, ведь ее отец – брат моей матушки. Сестрица любила прогулки так же, как и я, но предпочитала окружать себя большим количеством свиты, видимо, в силу статуса маркиза, который носил ее отец. В ее сопровождении всегда находились две фрейлины, личный паж, четверо вооруженных стражников и пожилая дама-компаньонка. Анора привыкла к роскоши и вниманию, ее наряды всегда были украшены драгоценностями, а волосы уложены с особой тщательностью.

Но нас это не смущало. Мы болтали о рыцарских сказаниях, мечтали о будущих супругах и делились тайнами, сидя на мшистых камнях старого моста через ручей.

Вода тихо журчала, создавая приятный умиротворяющий фон нашему разговору.

– Отец уже выбрал мне жениха, – довольно произнесла Анора, обмахивая веером свое бледное лицо. Пухлые розоватые губы растянулись в мечтательной улыбке, а ее глаза засияли, словно драгоценные камни.

– Ты его видела? – спросила я, поднимая взгляд на подругу. Она опустила руки вдоль платья, едва заметно подражая матери, чей строгий взор всегда заставлял меня внутренне сжиматься. Казалось, та никогда не знала улыбки.

– Нет, – в ее голосе прозвучала нотка грусти. – Но он молод и красив, так говорят.

Я кивнула, опустив глаза к земле. Носком туфли я чертила узоры на каменистом берегу.

– А как его зовут? – спросила я, пытаюсь скрыть волнение в голосе.

– Рауль де Шатийон, – произнесла Анора с легким придыханием, словно пробуя имя на вкус. – Он сын графа де Шатийона. Отец говорит, этот союз укрепит связь наших родов и удостоит нас милости короля.

Я снова кивнула, чувствуя, как сердце забилося чаще. В моих мечтах о будущем замужестве я никогда не думала о политических союзах, только о настоящей любви, о рыцаре, который приедет за мной на белом коне. Хотя прекрасно знала, что этому не бывать, и мне оставалось лишь молиться о том, чтобы мой муж не был уродлив и стар.

– А что будет с нами? – тихо спросила я, смотря на подругу. – С нашей дружбой?

Анора на мгновение задумалась, ее взгляд устремился вдаль, где река делала поворот среди зарослей ивы.

– Мы всегда будем подругами, – уверенно произнесла она. – Даже если я уеду в замок мужа, мы будем писать друг другу письма и встречаться на праздниках. Наша дружба сильнее любых расстояний.

Ее слова немного успокоили меня, и я улыбнулась, чувствуя, как тяжесть, которая вдруг появилась на сердце, начинает таять. Но неожиданно со стороны леса, с противоположного берега, раздались жуткий шорох и вопль, что заставило нас подпрыгнуть. Наши сопровождающие были не так близко, как должны, и я гадала, слышали ли они этот ужаса-

ющий звук.

Мы попятились, а звук становился все ближе и ближе. Здесь, в тени деревьев, солнечные лучи едва попадали на землю, создавая причудливые узоры на покрытой мхом поверхности моста. И мы не думали, что звери подбираются так близко к жилым поселениям. Но это был не зверь...

Вопль, душераздирающий и хриплый, прорезал воздух. Рыцари подоспели вовремя, загородив нас собой, но из-за деревьев уже выскочила фигура в лохмотьях. Я не успела разглядеть его из-за спин рыцарей, но заметила, как Анора побледнела еще сильнее.

– Что это? – прошептала она, вжимаясь в меня всем телом.

Один из рыцарей обнажил меч, другой выхватил щит. Их движения были уверенными и четкими, словно они готовились к такому всю жизнь. Фигура в лохмотьях приближалась, издавая нечеловеческие звуки, больше похожие на рычание дикого зверя, чем на голос человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.